

Гендерные исследования

Содержание

Благодарности	8
Введение. Воображаемое	11
«Человек ли женщина?»	16
Женская дружба до «Что делать?»	34
Женское сообщество и русская идея	42
Глава 1. Рациональное	45
Постановка «женского вопроса»	55
«Проницательный читатель»	59
Матери и дочери накануне	67
«С ними гораздо веселее, чем одной»	73
Глава 2. Органическое	90
«Ближайший с детства друг»	101
«Перед первенствующим другом»	111
«Чувство сильнее, чем дружба»	120
Глава 3. Непроизводимое	137
Судьба реализма и «припадок»	143
Чеховские неизпроизводимые сообщества	154
Муратовский зверинец	179
Глава 4. Эротическое	186
«Крейцера соната» и женская сексуальность	191
Женская месть в рассказе Горького «Васька Красный»	206
Женская месть в «Яме» Куприна	215
Обещание Вечной Женственности	225

Глава 5. Большевистское	234
«Мы — строительницы социализма»	244
Советские «подруги» в Красной армии	259
«Член правительства»	270
Гарем Сталина	274
Эпилог. Травматическое	290
Примечания	295
Указатель имен	311

Посвящается Тесс и Сэнди

Благодарности

Книга «Только между женщинами» появилась благодаря помощи многих коллег. В Стэнфордском университете мы беседовали и спорили с Григорием Фрейдиным — обо всех сторонах проекта, из которого позже родилась эта книга, да и о многом другом, что имело отношение к русской и советской истории. Даже выйдя на заслуженную пенсию, он продолжал направлять мою научную мысль и делал замечания на полях моей рукописи. Столь же благоприятным для меня оказалось идеальное женское сообщество слависток, которое Моника Гринлиф по-русски называла *девушками*. Я и по сей день стремлюсь соответствовать тому уровню творческой свободы и в то же время научной строгости, который всегда задавала Моника. На всех этапах моей карьеры внимательной и проницательной читательницей и мудрой наставницей была Габриэлла Сафран. *Девушки-славистики* — Хилари Теплиц, Линн Патък, Люция Квасняк, Марилена Русика, Ирина Шевеленко, Марианна Ланда, Амелия Глейзер, Марта Келли, Люба Гольбурт, Сара Панкеньер Вельд и Элиф Батуман — создавали атмосферу интеллектуальной щедрости, энтузиазма и теплоты под стать атмосфере зимнего пикника в «Что делать?». С коллегами с других отделений — Кейтлин Мердок, Сесиль Кузниц, Элиссой Бемпорад, Эриком Оберль и Кристин Холбо — мы тоже не раз обедали и беседовали на междисциплинарные темы. Когда я вновь приезжала в Стэнфорд, Марилена и Питер Вольфенден, а также Эрик и Кристин радушно принимали меня, и разговоры с ними, которые мы вели из года в год, были невероятно плодотворными. Я очень благодарна доктору Ольге Боровой за вдохновляющую дружбу, за готовность читать мои работы,

за фильмы и книги, очень кстати приобретенные ею для меня в России, и за сложные вопросы о моих идеях. А еще я благодарна за дружбу и гостеприимство ее родителям, доктору Вольфу Боровому и покойной Ирине Боровой, которые приютили нас с Кеном у себя жарким летом 1999 года.

Завершение этого проекта было бы невозможно без поддержки сотрудников Российского государственного архива литературы и искусства, без финансовой поддержки— докторантской стипендии Меллона при Университете Джона Хопкинса и докторантской стипендии при Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета. В Гарварде мне очень повезло—я вновь получила возможность беседовать с Уильямом Миллсом Тоддом Третьим и ныне покойной Светланой Бойм. Благодарю редакторов, читателей и редколлегию издательства Северо-Западного университета за проявленное огромное внимание к моей книге.

Мне невероятно повезло с коллегами в Университете Джона Хопкинса и особенно в Центре гуманитарных наук, который сейчас называется Отделением компаративистики. Мои товарищи по кафедре, и нынешние, и бывшие—Паола Маррати, Леонардо Лизи, И-Пин Ун, Хент де Врис, Майкл Фрид, Рут Лейс и Ричард Макси,—помогли мне довольно существенно расширить проект. Административная и моральная поддержка неподражаемой Марвы Филип помогала осуществлять научный обмен на всех уровнях. Дэниел Шварц и Бенджамин Стайн вместе со мной исследовали многие грани этого проекта, и я благодарна им за наши диалоги. Моя работа обогатилась благодаря интеллектуальной дружбе Констанс Динаполи, Николь Джерр и Кристин Бойс. На мою работу оказывали влияние и нынешние, и бывшие члены профессорских коллективов других отделений—Шэрон Кэмерон, Шэрон Маркус, Джеффри Брукс и Питер Йелавич: каждому из них принадлежали важные замечания по поводу того или иного фрагмента рукописи. Мне очень помог переосмыслить многие части моей книги меллонский семинар под руководством Габриэль Шпигель, и я благодарю всех его многолетних участников за обратную связь, интерес и коллегиальный дух. Щедрый подарок Стивена Диксона—полное собрание сочинений Чехова и другие книги

из собрания его покойной жены, исследовательницы и переводчицы Энн Фридман, — был очень важен для меня. Весьма продуктивными оказались для меня беседы с коллегами: это Нета Сталь, Ицхак Меламед, Николай Копосов, Н. Д. Б. Коннолли, Шани Мотт, Жанн-Мари Джексон-Авогви, Элизабет Паттон, Джин Макгарри, Жак Нифс, Рошель Тобайас, Линда Делиберо, Бернадетт Вегенстайн, Беатрис Ланг, Марк Каплан, Закари (Шолем) Бергер, Орна Офир, Тодд Шеперд, Айрин Такер и другие.

Слова любви и благодарности мне хочется сказать и моим замечательным родным: моей сестре Норе Икин Пассаманек, чья эмоциональная поддержка в трудные времена никогда не перестает удивлять меня, и ее мужу Йелю Пассаманеку, а также брату моего мужа Дэниелу Д. Моссу, его жене Линдси Ошман и их дочери Шошане. В течение десятилетий меня поддерживала личная дружба Мирьям Кэррол Фентон и Наоми Манн. А помощь наших балтиморских соседей, особенно Бекки Перлмен и Питера Эванса, позволяла мне заниматься семьей и работой.

И наконец, спасибо моему спутнику жизни и интеллектуальному товарищу Кеннету Б. Моссу, с которым мы прожили вместе поразительно долго — уже почти три десятилетия! Твой энтузиазм, ум, интеллект и любовь поддерживают меня во всем, что я делаю, и несмотря на название этой книги, к ее созданию ты тоже причастен — и в большом, и в малом. Наши младшие товарищи — Айзек, Аарон и Селия — жили рядом с этим проектом всю свою жизнь, в равной мере обогащая и терпя его. Вы — залог того, что все это было не напрасно.

Ни мой отец, Дэвид Б. Икин, ни мой свекор, Роберт А. Мосс, не дожили до того дня, когда эта книга вышла в свет, но я знаю, что оба очень порадовались бы этому событию. Нам очень не хватает их. Я посвящаю «Только между женщинами» моей маме Тересите Икин и моей свекрови Сандре Мосс — двум неистово интеллектуальным и независимым женщинам, которым я очень многим обязана.

Введение. Воображаемое

Я представил себе любовь, дружбу—эти два кумира моего сердца—в самых восхитительных образах. Я украсил их всеми очарованиями пола, всегда обожаемого мной. Я рисовал себе скорее двух подруг, чем двух друзей, потому что если подобный пример редок, тем более он привлекателен.

Жан-Жак Руссо. Исповедь*

В этой книге исследуется изображение идеализированных отношений между женщинами в русской литературе и культуре, начиная с эпохи зрелого реализма и расцвета классического русского романа вплоть до социалистического реализма и сталинского кино. Подобно тому, как у Жан-Жака Руссо женская дружба заключает в себе идеалы сочувствия, искренности и нежности (см. эпиграф), так у столь несхожих между собой авторов, как Лев Толстой и Николай Чернышевский, женская дружба изображается образцовым типом человеческих взаимоотношений. У Толстого в «Войне и мире» (1863–1869) между Наташей и Марьей возникает «та страстная и нежная дружба, которая бывает только между женщинами», а Вера Павловна из «Что делать?» (1863) стремится дать свободу другим женщинам и устраивает швейную мастерскую-коммуну, вняв наставлениям «богинь», являвшихся ей в сновидениях¹. Между тем отношения между женщинами в западноевропейских романах «редко становились очагом убедительной повествовательной интриги» и, как правило, оставались вспомогательным элементом основного брачного сюжета². Зато в русской культуре, начиная с этих двух романов, женская дружба обретает и самостоятельность в качестве повествовательной линии,

* Цит. в пер. Д. А. Горбова и М. Н. Розанова.

и философскую глубину. С ее помощью русская мысль проверяется на способность к сочувствию и общинности. Этот сюжет также дает возможность увидеть, как именно в русской среде адаптировались западные идеи. Подразумевается также, что данное исследование можно понять как предостерегающий рассказ о тяготах и непредвиденных последствиях этой идеализации женской дружбы.

Я (в отличие от авторов, которых исследую) использую термин «женское сообщество», чтобы уловить и передать те философские и культурные смыслы, которыми обросло идеализированное изображение женских отношений уже после публикации романа Чернышевского. Исследовательница-феминистка Нина Ауэрбах называла женское сообщество «литературной идеей» и высказывалась о ее символическом и мифологическом измерении³. Хотя Толстой и Чернышевский, описывая дружбу женщин как альтруистические по своей природе отношения, возможно, и опирались на какие-то образцы европейской художественной литературы, мифов или библейских книг, а также отталкивались от сентиментального представления Руссо, — особую актуальность и значимость для русской культуры эта тема обрела благодаря новому общественно-политическому и литературному контексту 1860-х годов. Тогда, в эпоху освобождения крестьян и эмансипации женщин в духе Джона Стюарта Милля, изображение отношений между женщинами связывалось напрямую с просвещенческими идеями о личности, прогрессе и социальных реформах. Женское сообщество стало олицетворять идеализированное межличностное пространство и альтернативный подход к индивидуалистской субъективности — *Gemeinschaft* (сообщество, общину) как противоположность *Gesellschaft* (обществу); оно воплощало славянофильское понятие органической общины как противоположность обществу, основанному на верховенстве права и разума⁴. Подобно тому, как предполагаемое пристрастие русских крестьян к деревенской общине — «миру» — давало русским популистам повод считать, что Россия могла бы совершить скачок из феодализма прямо к социализму, так и предполагаемая врожденная склонность женщин к любви, состраданию и сочувствию как будто наделяла их способностью сопротивляться дурным

силам модернизации и индивидуализма. В то же время, как отмечала еще в 1792 году Мэри Уоллстонкрафт, выступившая с критикой в адрес преувеличенно лестных высказываний Руссо о женской добродетели, подобная идеализация лишь обременяла женщин обязанностями — проявлять альтруизм, — не давая им взамен прав «разумного» гражданина⁵. В глазах Толстого, подпавшего под влияние идей Руссо о «естественном человеке», *гемайншафт* женского сообщества находился в некоем воображаемом прошлом, в мире дворянских родовых поместий, а по представлению Чернышевского, он пребывал в безоблачном будущем, явившемся его героине во сне о хрустальном дворце, — видении, родившемся из идей социалистов-утопистов Сен-Симона и Шарля Фурье о справедливо устроенном обществе*. Толстой, быть может, и соглашался с выводами Руссо, но Чернышевский перещеголял его: он взвалил на своих героинь двойное бремя обязанностей, наделив их одновременно и альтруизмом, и разумом.

Хоть дружба между женщинами и стала символизировать возвращение к прошлому в форме некой национальной общности, ее задействовали также и для изображения будущей формы общественных отношений — более альтруистичной и просветленной. Эти рационалистические представления уходили корнями к женской швейной общине из романа Николая Чернышевского «Что делать?», а своего зенита они достигли, пожалуй, в предпринятых большевиками попытках переустройства общества. Ленин прямо отсылал к Чернышевскому: своей работе, написанной в 1902 году, — о необходимости существования передовой партии — он дал название, в точности повторяющее название знаменитого романа. В 1930-х годах образ женского сообщества, создававшийся в советской пропаганде, придавал видимость *гемайншафта* суровым реалиям советского *гезельшафта*. Когда женский коллектив пытались изобразить как положительный пример отношений между личностью и государством, он мог

* Юрий Лотман в своей работе «Русская литература и культура Просвещения» отмечает, что в процессе освоения русскими французской мысли «природное стало народным».

предстать в виде гармоничного женского колхоза или работниц текстильной фабрики — и тут в советском проекте обнажались следы славянофильской одержимости идеалом исконной русской общинности. К 1930-м годам советский образ женского сообщества, унаследованный от традиции русского романа, уже начал служить авторитетным (и авторитарным, а заодно и патриархальным) образцом для воспитания правильных граждан-коммунистов.

Однако эти русские понятия о взаимопонимании, неромантической любви и невербальном общении, выходя далеко за пределы выдвинутого Тённисом бинарного противопоставления общины и общества, допускают, что сообщество способно возникнуть при абсолютном минимуме возможностей. В таком случае оно понимается как сеть прозрачных связей, средств коммуникации или «бытия-вместе» между отдельными личностями. Подобное представление о сообществе сформировалось благодаря специфически русским религиозным, философским и культурологическим понятиям о единстве, стоящем выше индивидуального, — словом, благодаря тому, что философ начала XX века Николай Бердяев назвал «Русской идеей»⁶. В свою очередь, в интересе русского романа к субъективности, конечности и природе *другого* содержится зародыш философского понятия *Mitsein* («бытия-с»), которому предстояло появиться уже в XX веке — и которым объясняется увлеченность Мартина Хайдеггера Толстым и Эммануэля Левинаса Достоевским*. Эмпатические связи между женщинами позволяют проверить возможности единения на гранулярном уровне, в некоторых случаях допуская — к лучшему или к худшему, это уже зависит от точки зрения — слияние индивидуумов в некое большее целое.

* Хотя Толстой упомянут у Хайдеггера в «Бытии и времени» лишь в сноске, исследователи выявили гораздо больше связей между двумя мыслителями. См.: *Repin N. Being-Toward-Death in Tolstoy's The Death of Ivan Il'ich: Tolstoy and Heidegger // Canadian-American Slavic Studies. 2002. Vol. 36. № 1-2. P. 101-132.* Эммануэль Левинас много раз цитирует Достоевского, особенно в эссе «Бесполезное страдание». См. также: *Vinokur V. The Trace of Judaism: Dostoevsky, Babel, Mandelstam, Levinas. Evanston, 2009; Murav H. From Skandalon to Scandal: Ivan's Rebellion Reconsidered // Slavic Review. 2004. Vol. 63. № 4. P. 756-770.*

В контексте славянофильских, а позднее и русских символистских идей предполагаемая готовность женщин жертвовать собственной индивидуальностью предоставляла им особый доступ к единой общности, которая связывалась с божественным началом и стояла выше человеческого субъекта, преодолевая его ограниченность. Философ Владимир Соловьев мыслил «всеединство» результатом стараний человечества воплотить Божественную Софию — женскую грань Высшего живого существа, заключающего в себе феноменальный космос, или «Мировую Душу»*. Лев Толстой в своем назидательном трактате «Так что же нам делать?» (1884–1886) внушал женщинам: «Спасение людей нашего мира от тех зол, которыми он страдает, в ваших руках!»⁷ Изображение женской открытости для некой трансцендентной общности (и ответственности за нее) — будь то национальное или божественное единение или же государство под властью коммунистов — выявляет и ограниченность, присущую субъективности и самостоятельности женщин. В 1916 году будущая начальница советского женотдела при ЦК коммунистической партии Инесса Арманд справедливо сетовала в письме к дочери, что в конце «Войны и мира» Толстой низвел Наташу Ростову до положения «самки»⁸. Впоследствии феминизированное изображение коммунального быта 1930-х годов представляло всех советских граждан — и мужчин, и женщин — благодарными подданными Сталина, этого патриархального олицетворения и одновременно исполнителя их коллективной воли**.

* Слушать нашумевшие публичные «Чтения о богочеловечестве» (1878) Владимира Соловьева, где он подробнейшим образом излагал эти идеи, приходило около тысячи человек; среди них были и Толстой, и Достоевский (*Poole R. Vladimir Solov'ev's Philosophical Anthropology: Autonomy, Dignity, Perfectibility // A History of Russian Philosophy, 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity / Ed. G. M. Hamburg, R. A. Poole. Cambridge, 2010. P. 131–149.*

** Писатели, которых я рассматриваю в данной работе, обычно трактуют гендер как биологически детерминированную категорию, а не как текучую и гибкую перформативную роль, и для формирования женского сообщества обычно требуется выполнение его участницами норм, соответствующих их половой принадлежности. Однако, как мы увидим в главе 4, женское сообщество иногда может возникать там, где возможно и внегендерное сообщество.